

Алекс Кожин

**ОХЛАЖДЕННЫЙ
И
ЗАМОРОЖЕННЫЙ**

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Алекс Кожин

Охлажденный и Замороженный

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48812013

SelfPub; 2021

Аннотация

Это веселая и почти правдивая история о друге моего детства. Женя мало чем отличался от обычного школьника 70-х. Как и многих из нас, начало 90-х годов застало Женю врасплох. Чтобы выжить, Женя стал замораживать земляков и хранить в промышленном холодильнике. В этой области Женя был первопроходцем. Он охлаждал бандитов, зубных врачей и других представителей городской элиты. Содержит нецензурную брань.

Алекс Кожин

Охлажденный и Замороженный

Предисловие

Можно смело утверждать, что криосохранение первыми придумали жители Гренландии, в силу наличия льда и невозможности достойно упокоить усопшего в земле. Присутствие на острове огромных запасов замороженной воды позволяло консервировать мертвецов тысячелетиями. Но вот криосохранение, как бизнес в промышленном масштабе, впервые испытал мой приятель Женька Гишгорн, еврейский юноша из белорусского Гомеля. Женя применял этот метод и к еще живым, и к уже не очень. Разумеется, речь идет о людях, а не о пищевых продуктах.

Когда, со слов Жени, я узнал эту фантастическую историю, я не поверил. Потом стал сомневаться и на всякий случай все записал. Теперь нашлись многочисленные свидетели, которые клянутся, что все так и было.

Но, по порядку.

Часть 1

В детстве мы с Женькой ходили в одну школу, а когда он остался на второй год, то и в один класс. В старших классах Женя был высоким худым юношей с постоянно дергающейся-

ся куда-то вбок головой и нервным тиком. При этом Женька был тем еще разгильдяем. От его выходок стонала наша средняя школа, плакали учителя, бесились родители. С трудом окончив восемь классов, Женя решил стать «строителем коммунизма» – пошел учиться в ПТУ на маляра. Когда коммунизм рухнул, Женька стал искать другие способы существования. Торговал на базаре, вкручивал лампочки, занимался извозом.

Мы иногда встречались. Несмотря на общую разруху, Женя не жаловался. Он искал пути и способы. Часто менял профессии. А денег все не было. Между тем, были жены, алименты и прочие коммунальные расходы. Но Женька не сдавался.

Как известно, кто ищет – тот всегда найдет. Итогом Женкиных поисков стало открытие чего-то вроде «серпентария». То есть, не совсем как бы для змей, как это лучше сказать... Идея, пришедшая Женке на ум, была ошеломляющей – дать бессмертие людям, заморозив их до лучших времен. Он был не первый, кто это придумал. И далеко не последний.

Женя нашел заброшенный промышленный морозильник около колхозной фермы, подновил, приукрасил и дал объявление в газету. Что-то такое, типа не жди собственной смерти, ложись на сохранение, а когда американцы изобретут лекарство для бессмертия, мы тебя разморозим – получишь второй шанс, вроде как вторую жизнь.

Идея сначала не прижилась, ложиться на сохранение

живьем никто не хотел. Живые, страдая предрассудками, боялись холода и сырости. Мертвые предпочитали лежать по старинке – на кладбище. Женю это не смущало, он нажимал на вошедший в моду маркетинг. Нанял двух «оторванных» студентов местного техникума, купил им костюм и галстук, штаны прикрывали рваные кеды. Студенты в свободное от работы время вскопали огород за морозильником, натаскали с фермы навоза, засадили участок. К августу подошла конопля. В перерывах между затяжками студенты открывали морозильные камеры и дико хохотали в пустоту. Женя за них опасался, собственные работники долгое время были основными кандидатами на сохранение.

Как случается в жизни, успех пришел неожиданно. В реанимацию после перестрелки попал местный авторитетный предприниматель. Дела его были плохи, врачи ответственность не брали ни за какие деньги. Приходил священник, помахал кадилом, но и это не помогло. Время шло, «больной» не вставал. Очередной бригадир, дежуривший в палате, случайно развернул газетку, увидел Женькино объявление, понес коллегам. Они высказались за сохранение. Так в морозильнике появился первый клиент.

Нужно заметить, что в те годы, когда делили совместно нажитое общим трудом, людей определенной профессии словно косили косой. За первым клиентом подошли и другие. Однако, недобитых «предпринимателей» было немного: свидетелей старались не оставлять. Со временем стали при-

нимать на хранение и покойных, заманивая невиданными успехами американской медицины. Часто вчерашние враги ложились в одну камеру, мест на всех уже не хватало.

Женя процветал, купил себе подержанные «Жигули», женам подарил по кофеварке, дочке – огромную синтетическую обезьяну. Увидев животное, дочь расплакалась и отказалась от мороженого. Это не сломило Женькин оптимизм.

Хотя сложности были немалые. Никто не знал ритуала охлаждения. Концепции не было! Вроде не похороны, и не проводы в армию. Вопросов было много: нужно ли отпевать замороженных; как пить: за здоровье или упокой; что можно брать с собой, что нельзя; можно ли класть покойных рядом с живыми; и так далее.

Пришлось подключить к бизнесу бывшую тещу – в прошлом заведующую районной культурой. Церемонии охлаждения тела придали культурно-массовый характер: теща, как в ЗАГСе, благословляла в добрый путь, поп молился за скорое воскресение, накуренные студенты стояли с постными минами. После церемонии проводов сцену заволакивало белой пеленой, как на концерте Пугачевой, и под песню «То левый берег нужен им, то берег правый...» нового клиента студенты увозили в морозильник. Довольные гости шли выпивать за скорое свидание.

Бизнес разрастался. Женька открыл офис в центре города, сменил подержанные «Жигули» на десятилетний «Фольксваген» и обзавелся любовницей-парикмахершей. Парикма-

херша Ляля занялась научной стороной дела.

К тому времени разморозить живым удалось только Луи Де Фюнеса в известном кинофильме. Откровенно комедийный характер актера многих пугал. Не было ясности в своем ли уме вернется охлажденный обратно. Парикмахерша Ляля сменила подход. Простая заморозка превратилась в криосохранение. В пакет услуг добавили омоложение, регенерацию половых признаков и косметологию, включая прическу.

Раз в год, на день рождения, к замороженным стали приглашать родственников и друзей. Покойника выставляли в холодной витрине, которую по случаю приобрели в гастрономе. Гости пили за здоровье и американскую медицину, иногда дрались на радостях и танцевали. Некоторые, в сильном подпитии, стремились полежать с охлажденным.

Часть 2

Через короткое время оказалось, что после охлаждения тела оставшимся в живых родственникам стало не хватать общения. То есть, когда человек рядом – его не замечают, но как только он поселился в холодильнике, его стало не доставать. Не с кем поделиться, обменяться новостями, поругаться, наконец. Обычно, к еще живым ходят в больницу, к мертвым – на кладбище, а тут...

Женька стал чаще пускать родственников к замороженным, установил приемные часы, составил график посещений. Опять встала проблема отсутствия определенного ритуала. Никто не знал, что приносить охлажденным. Род-

ственники спорили и ругались: одни говорили, что нужно нести апельсины, другие утверждали – цветочки. Парикмахерша Ляля, отвечавшая за маркетинг, быстро навела порядок, предложив нести замороженным любые продукты, включая спиртное. «А встречать покойных будете с цветами, музыкой и шампанским», – распорядилась практичная Ляля.

Родственники все чаще стали приезжать в морозильник, жаждали поговорить с замороженными, мешали работать. Кому приходилось размораживать холодильник, тот знает, что занятие это хлопотное. Тем более, что таскать приходилось не мороженное филе, а здоровенных клиентов. Укуреренные студенты тоже не способствовали торжественной встрече. Часто приходилось их прятать за шкаф, чтобы не портили ритуал и не смущали гостей.

И тогда Женьке в голову пришла очередная гениальная мысль. Он решил снабдить замороженных телефоном, чтобы родным и близким не переться на городскую окраину, когда возникает необходимость в общении. «Все вопросы можно решать по телефону», – думал Женя.

Телефонная связь в те годы была еще проводной. С помощью полевого кабеля, висевшего на подгнивших столбах, колхозная ферма соединялась с внешним миром. За бутылку водки Женя уговорил председателя подключить морозильник к колхозному проводу. Сейчас уже мало кто помнит о спаренных телефонах – обычном явлении в квартирах совет-

ского времени. Телефон в морозильнике оказался спаренным сразу с несколькими аппаратами в колхозном правлении, на ферме, тракторной станции и конюшне.

В морозильнике Женька поставил один телефон для всех, как в общежитии. Трубку брали студенты, сдерживая позы вы дикого смеха, клали ее в цинковый тазик. Долго стояли рядом, зажимая друг другу рты. Потом вылетали наружу – от раскатов дикого хохота сотрясало сельские нивы. Доярки на ферме едва сдерживали перепуганную скотину. Надои падали. Соседские вороны на всякий случай перебрались поближе к городу.

Родственники сначала осторожно отнеслись к идее с телефоном. Звонить на «тот свет» было непривычно. В спаренном телефоне что-то шумело и шелкало: колхозная линия замокала даже в самую сушь. Иногда в трубку прорывались неразборчивые голоса. Гулкий бас пьяного конюха требовал какую-то Ньюру, председатель матом указывал дояркам на показатели надоев, в свою очередь, председателю указывали из района.

Со временем родственникам стало казаться, что именно так и должен звучать «тот свет». Постепенно к общению привыкли. Стали звонить регулярно, иногда просили совета у замороженных.

– Сема, мне деньги хранить в долларах или в рублях? – спрашивала Римма Давыдовна охлажденного супруга.

– Сыпь мочевины, а то скиснет... – неразборчиво гудело в

трубке.

– А куда спрятать в сарай или в погреб?

– Засунь себе в зад! – отвечала трубка строгим голосом.

Как ни странно, подобный ответ вполне удовлетворял Римму Давыдовну. Способность нашего народа интерпретировать любые слова в свою пользу не знает границ. «Вчера говорила со своим, – делилась на лавочке перед подъездом удовлетворенная Римма Давыдовна, – передавал всем привет». Соседские старухи понимающе кивали.

С текущими делами как-то справлялись. Настоящая проблема возникла, когда жена стоматолога Марата Моисеевича, уважаемая в городе Раиса Соломоновна, неожиданно потребовала немедленного свидания с мужем.

Дело, как бывает, возникло из пустяка. Был у Марата Моисеевича один пациент – цыган Яша. Когда случился Чернобыль, в народе стало популярным поверье, что золотые зубы спасают от радиации. Ну, во что только наш простодушный народ не верит: в коммунизм, в карты Таро, в медные браслеты от давления, в Кольца Силы от импотенции. И кинулись тогда все к Марату Моисеевичу за золотыми зубами. А золота, натурально, на всех не хватало. Тут и появился Яша с «зубным металлом». Мол, не окисляется, не тускнеет, военная разработка – на зуб от золота не отличить. Ну, Марат Моисеич и подмешивал к золоту понемногу. В процентном отношении. В зависимости от важности клиента. И как-то так вышло, что именно у Яши все и окислилось (говорят, что

чертов цыган подковы мог переваривать). Но главное, у Яши так окислилось, что перестало вставать. То ли от радиации, то ли от военной разработки. Яша гриппом болеть совсем перестал, но как мужик «потерялся в обозе», словно тот мерин. Он к стоматологу, а Марат Моисеевич уже на покое. Нету больше Марата Моисеевича, временно отсутствует.

Яша, конечно, разволновался, и от волнения выложил Раисе Соломоновне все, и про цыганочку Азу из местного драмтеатра, и про другие веселые «разливы» на речке Сож, где Марат Моисеич был активным участником. Раиса Соломоновна сразу не поверила этой брехне. Но Яша в волнении снабдил свою повесть такими сногсшибательными подробностями, что Рая таки решила задать мужу вопрос.

И вот наша Раиса в присутствии понятых звонит в морозильник. Отпетые студенты, как положено, снимают трубку. Обе стороны вначале напряженно молчат; Раиса Соломоновна вскипая от страсти; студентов же, как обычно, прет от смеха. Рая не выдерживает первой:

– Марик, скажи, ты мне изменяешь?

Марик в это время, по понятным причинам, похож на мороженую треску, ответить не может. Чертовы укурки, которые только что переложили мерзлого стоматолога в другую камеру, буквально обосрались от смеха и, еле сдерживаясь, словно свиньи захрюкали в трубку. И вышло, что Марат Моисеевич как бы потешается над родными и близкими. Родственников оторопь взяла, такого бесстыдства никто не

ожидал от известного в Гомеле человека, стоматолога Марата Моисеевича Цукермана, зубные протезы которого можно встретить по всему миру, от Бобруйска до Осиповичей.

На семейном совете было принято решение об очной ставке с охлажденным. Разбудили Женьку и приказали немедленно готовить Марата Моисеевича к встрече. Голос Раисы Соломоновны звенел как стальная струна. Женя возражать не посмел. Тогда-то у него первый раз и появилась мысль об эмиграции.

Часть 3

Женька сразу начал прикидывать, как ему быть. Мысль о бегстве он отогнал. Можно было, конечно, закрыть морозильник на карантин от грызунов, тараканов и родственников. Но это бы повредило репутации бизнеса. Не найдя ответа, Женя купил водки и пошел за советом к председателю колхоза. Тот представлялся Жене человеком бывалым, повидавшим разные виды.

Действительно, Петр Авдеич Тарасенко – нынешний руководитель хозяйства, был яркой фигурой, заметной не только в родном колхозе, но и на фоне всего района. Жилистый, крепкий мужик, за 20 лет руководства местным сельским хозяйством оброс богатым опытом и насквозь пропитался алкоголем.

Женя дергано и невнятно изложил свои опасения, но выпив, стал рассуждать более трезво. «Может веревки к нему привязать и дергать – вслух думал Женя. – Нужно ведь толь-

ко, чтобы покойник отвечал «да» или «нет».

Авдеич неожиданно взбрыкнул:

– Какие, нахер, веревки в век покорения Луны и околоземной орбиты! Хоть ты и еврей, но мыслишь весьма примитивно. Вот мы, в армии, если кто прикидывался «вещмешком», не хотел там, к примеру, туалеты драить или картофель чистить, использовали военно-полевой телефон... вон он... на столе стоит, – председатель махнул рукой куда-то в сторону и добавил, – телефон образца 43-го года. Подключали телефонный провод к «вещмешку» и крутили ручку, вырабатывая электрический заряд тока – так любой «мешок» оживал и включался в общественно-политическую жизнь, – никак не мог успокоиться Авдеич. – Так до сих пор органы и делают, – заключил председатель.

– Какие органы? – по инерции спросил Женька.

– Какие, какие, – внутренние, – неожиданно расстроился Авдеич.

Сомнения у Женьки все же остались:

– Тело-то заморожено, как оно включится в общественную жизнь?

– То-то, что замороженное, значит, обладает необходимой кристаллической решеткой, а с этим делом сопротивление уменьшается. Это тебе не полудохлах коров на мясокомбинат сдавать. Там от ЛЭП провода нужно накидывать, чтобы скотинка была попроворнее. А тут, дашь разряд, и твой отороженный вмиг побежит, куда надо, еще и руками будет

махать.

– А если не получится? – не мог успокоиться Женя.

– Не получится, тогда по старинке подпалишь морозильник к хуям вместе с документами. Поголовье погибло по естественным причинам от короткого замыкания, как пишут в протоколе осмотра места происшествия, – поучал Петр Авдеич.

Выпив на посошок, Женя пообещал вернуть телефон завтра вечером и, схватив аппарат, помчался в морозильник.

Растолкав студентов, вытащили Марата Моисеевича из камеры и стали думать, куда ему сунуть провода. Пробовали и так и этак, замыкали вдоль, и поперек. Крепили клеммы, казалось, в самых чувствительных местах. Крутили ручку телефона, подавая заряд на массу тела. В ответ уже слегка размороженного стоматолога то трясло, то корбило. К утру добились нужных условных рефлексов: Марат Моисеевич кривил рот или разводил руками в зависимости от направления вращения ручки телефона. Эти универсальные реакции вполне удовлетворили Женю. Он понимал, что наши люди в основе своей так и реагируют. Еще из школьной биологии Женька усвоил, что у амебы и человека примерно одна реакция на раздражение – недоумение.

В полдень прибыла делегация родных и близких. От истца – Яши-цыгана, в качестве свидетеля присутствовал дядя Жора. Женька стал объяснять, что охлажденный все слышит, но рефлекс у него ограничен, что будить его полностью

нельзя – потом не заснет.

Со студентами Женя договорился об условных сигналах: поднимет правую руку – крутят ручку телефона по часовой стрелке, левую – наоборот. На телефоне Женя на всякий случай нарисовал фломастером, в какую сторону ходят часы, чтобы студенты не перепутали.

Делегацию провели в зал церемоний. Марат Моисеевич помещался в холодной витрине, как охлажденный лосось. Студенты с телефоном прятались за шкафом. Укурки были в белых халатах. В последнее время они близко сошлись с доярками на почве травы и молока. У доярок и одолжили халаты, сославшись на научный эксперимент. На одном халате было написано синей ручкой «НЮРА Б.», на другом просто «КЛАВА». Студентам казалось, что халаты придают им научную достоверность.

Гостям было предложено общаться с пациентом с помощью городского телефона. Одну трубку поместили в витрину рядом с ухом стоматолога. Рая Соломоновна с волнением взяла вторую трубку и с дрожью в голосе спросила:

– Марик, ты мне изменяешь?

Женька из-за спины родственников и понятых вскинул правую руку, Марат Моисеевич, как показалось окружающим, слабо ухмыльнулся. Раиса Соломоновна от неожиданности присела на табурет, родные выдохнули, дядя Жора зажмурился.

– Марик, скажи, ты меня любишь? – спрашивала Рая.

Женька вскидывал другую руку, стоматолог разводил руками. Так повторялось несколько раз. Ответы вполне удовлетворяли гостей, было видно, что и в охлажденном виде Марат Моисеевич остался верен супруге.

Постепенно перешли к бытовым подробностям. Раю интересно было, что делать с бормашиной, нужно ли было менять шпиндель. Стоматолог кривился и разводил руками. Все расслабились, предвкушая скорый банкет, который Женя наскоро организовал за стеной в соседнем зале. Студенты за шкафом тоже расслабились и закурили, отмахивая дым в сторону.

– Марик, кажется, Мира встречается с гоем, – делилась подробностями семейной жизни Раиса Соломоновна.

И здесь Марат Моисеевич неожиданно поперхнулся. Гости застыли. Не зная, что делать, студенты начали бешено вращать ручку полевого телефона в разные стороны, подавая на тело огромный разряд. Стоматолога аж затрясло. Гости опали. И тут Марат Моисеевич открыл глаза.

Часть 4

От такой неожиданности Женька впал в транс, поскольку такой реакции от замороженного он никак не ожидал. Все остальные гости застыли, открыв рты. Рая Соломоновна тихо сползла с табурета, да так и осталась лежать на кафельном полу морозильника.

Никто не ждал столь раннего воскресения Марата Моисеевича. Как ни крути, а идея была фантастической, техно-

логией будущего. Это, как если бы на ваших глазах ржавый «Москвич» вдруг взлетел над дорогой и преспокойно полетел на колхозный рынок за овощами.

Такое зрелище спокойно перенесли только студенты за шкафом. Оттуда, из-за шкафа, они видели открытые рты гостей, лежащую на полу Раису Соломоновну и застывшего в трансе Женьку. Не получая команд и не зная, что делать дальше, студенты бережно поставили на пол военно-полевой телефон, электрические провода которого уходили глубоко в штаны стоматолога, где крепились в самых ответственных местах Марата Моисеевича. Студенты снова закурили, разгоняя дым руками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.